

*Отсутствующим друзьям —
от Кэти Акер до Роджера Желязны*

*Предуведомление,
оно же и предостережение
для путников*

Книга, которую вы держите в руках, — плод вымысла, а не путеводитель по Соединенным Штатам Америки. Я не хочу сказать, что всю географию страны придумал заново — многие из описанных мест можно увидеть воочию, а пути-дороги персонажей отследить и нанести на карту, — но некоторые вольности я себе все-таки позволил. Их меньше, чем может показаться на первый взгляд, но они есть.

Я не спрашивал и не получал разрешений на использование реально существующих названий, фигурирующих в этой истории: и наверняка владельцы Рок-сити или Дома-на-Скале, а также члены охотничьего клуба, чьей собственностью является мотель в центре Америки, удивятся не меньше любого другого человека, который, открыв эту книгу, обнаружил бы на ее страницах свою недвижимость.

В ряде случаев я сознательно искажил истинные координаты — это, к примеру, относится к городку под названием Лейксайд или ферме, расположенной в часе езды к югу от Блэксбурга, той самой, где растет Ясень. Можете их поискать, если придет охота. Можете даже и найти.

Кроме того, само собой разумеется, что все выведенные в этом романе люди — живые, мертвые и всякие прочие — вымышлены и действуют в сугубо вымышленных обстоятельствах. И только боги — реальны.

НИЛ ГЕЙМАН ✦

Меня всегда занимал вопрос: что происходит с демоническими существами, когда люди превращаются в иммигрантов и переселяются в другие страны. Американцы ирландского происхождения помнят фейри, выходцы из Норвегии — нис, греко-американцы — врыколаков, но исключительно в связи с событиями, имевшими место в Старом Свете. Когда однажды я спросил, почему подобного рода существ никто никогда не видел в Америке, мои собеседники принялись смущенно посмеиваться, а потом ответили: «Они просто боятся плыть через океан, в такую-то даль», — и в конечном счете обратили мое внимание на тот факт, что ни Христос, ни апостолы до Америки тоже так и не добрались.

Ричард Дорсон. К теории американского фольклора.
(История и американский фольклор.
University of Chicago Press, 1971)

Часть 1

ТЕНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Границы нашей страны, сэр?
Проще некуда: с севера нас подпирает
полярное сияние,
с востока — восходящее солнце,
по южной границе выстроились
равноденствия,
а на западе маячит Судный день.*

Джо Миллер.

Книга американского юмора

В тюрьме Тень отмотал три года. Габариты у него были впечатляющие, а выражение лица такое, что связываться с ним никому не хотелось, так что самая большая его проблема была — как убить время. Поэтому он старательно поддерживал физическую форму, научился делать фокусы с монетами, а еще очень много думал о том, как сильно любит жену.

Самое лучшее, что есть в тюремной отсидке, — а с точки зрения Тени единственное, что во всем этом хорошего, — это чувство облегчения. Ощущение, что ударился о самое дно и дальше падать некуда. Здесь не нужно держаться, что вот-вот заметут, тебя уже замели. И переживать по поводу того, что будет завтра: все, что могло случиться, уже случилось, причем вчера.

НИЛ ГЕЙМАН ✦

А еще Тень пришел вот к какому выводу: сделал ты то, за что тебя посадили, или нет, на самом деле не важно. Каждый из тех, с кем он познакомился в тюрьме, жил с чувством обиды: полицейское, судебное или тюремное начальство совершало несправедливость за несправедливостью и обвиняло тебя в том, чего ты не делал, — ну, или делал, но не совсем так, как это всем представлялось. Так что важным было только то, что тебя все-таки замели.

Это он понял еще в первые дни, когда всё здесь, от сленга до скверной пищи, было в новинку. Он чувствовал себя несчастным, на него волнами накатывал ужас оттого, что его здесь заперли, и надолго, но дышать он стал свободнее.

Говорить Тень старался как можно меньше. Примерно в середине второго года отсидки он поделился своей теорией с сокамерником по имени Космо Дей и по прозвищу Ловкий.

Ловкий, мошенник из Миннесоты, с целой россыпью шрамов у самого рта, улыбнулся в ответ:

— Ага, — сказал он, — в самую точку. А если тебе дадут вышку, так еще того лучше. Сразу вспоминаешь пацанов, что скидывали башмаки в момент, когда у них на шее затягивали петлю, — только потому, что кто-то когда-то сказал, что они сдохнут, не сняв ботинок. Типа, не в своей постели.

— Это что, юмор такой? — спросил Тень.

— А ты как думал. Юмор висельников. Самый лучший юмор на свете.

— А когда в этом штате в последний раз кого-нибудь вешали?

— А кой хер мне знать? — Волосы у Космо были светло-рыжие, и стригся он под карандаш, так что очертания черепа светили сквозь оранжевый пушок на голове. — Но вот что я тебе хочу сказать. Эта страна начала катиться к

◆ АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ

едрене фене именно тогда, когда людей перестали вешать. Ни базара стоящего не стало. Ни понтов путёвых.

Тень пожал плечами. Ничего романтического в смертном приговоре с его точки зрения не было.

Если тебе не впаяли смертный приговор, подумал он, значит, в лучшем случае тюрьма для тебя — только отсрочка от жизни. По двум причинам. Во-первых, жизнь так или иначе умудряется втереться даже в тюрьму. Даже и на самом дне бывают ямы, в которые можно упасть. Жизнь продолжается. А во-вторых, если ты тут подвис, это не значит, что тебя в один прекрасный день не выпустят.

Поначалу перспектива эта казалась слишком отдаленной, чтобы Тень по ней заморачивался. Потом она превратилась в далекий лучик надежды, а он научился говорить себе «и это тоже пройдет», когда происходила очередная тюремная хрень, потому что без хрени в тюрьме не бывает. В один прекрасный день откроется волшебная дверь, и он сделает шаг наружу. Тень даже начал вычеркивать дни в календаре с певчими птицами Северной Америки, потому что других календарей в тюремном чепке не продавали, и солнце вставало и закатывалось за горизонт, а он не видел ни восходов, ни закатов. Он упражнялся с монетами, потому что как-то на унылых полках тюремной библиотеки обнаружил книжку «Фокусы с монетами»; он качался; а еще он составлял про себя список того, что сделает, когда откинется.

Во-первых, он пойдет и примет ванну. Так чтобы надолго и всерьез, так чтобы отмокнуть, и чтобы вода с пеной. Может, при этом он станет читать газету. А может, и не станет. Бывали дни, когда ему хотелось думать так, а бывали, когда — иначе.

Во-вторых, он вытрется насухо полотенцем и наденет халат. А может, еще и тапочки. Идея насчет тапочек ему нравилась. Если бы он курил, то после ванны, в халате,

было бы самое время выкурить трубку — но он не курил. Он подхватит жену на руки («Бобик, — пискнет она, с поддельным ужасом и неподдельной радостью, — что ты *делаешь?*»). Он отнесет ее в спальню и закроет дверь. А если проголодаются, они закажут по телефону пищу.

В-третьих, после того как они с Лорой выйдут из спальни — может быть, дня через два-три, — он прикинется ве-тошью и не станет отсвечивать до конца своих дней.

— И жить будешь долго и счастливо? — спросил у него Ловкий Космо Дей. В тот день они работали в тюремных мастерских, лабали кормушки для птиц. Альтернатива была еще более увлекательная — штамповать автомобильные номера.

— Никого не зови счастливым, — ответил Тень, — пока он не умер.

— Геродот, — подытожил Ловкий. — Надо же. А ты времени зря не теряешь.

— Что, мать вашу, еще за Геродот такой? — спросил Ледокол, вставляя борта кормушки в пазы и передавая ее Тени, который должен был окончательно закрепить углы шурупами.

— Один мертвый грек, — сказал в ответ Тень.

— У меня последняя девчонка гречанка была, — сказал Ледокол. — Эх и говно у них в доме была еда! Вы себе представить не можете. Типа, завернут рис в какие-то листья и жрут. Ну и все такое.

Ростом и габаритами Ледокол был — точь-в-точь автомат по продаже кока-колы, и это при голубых глазах и кипельно-белой шевелюре. Однажды какому-то парню сдуру взбрело в голову полапать его подружку в том баре, где она танцевала, а Ледокол работал вышибалой. Ледокол ему и вломил. Приятели того парня вызвали полицию, полиция взяла Ледокола за жабры и прогнала по базе данных, откуда и выяснилось, что из тюрьмы он вышел всего полтора года назад, условно-досрочно.

◆ АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ

— А что мне оставалось делать? — убитым голосом спросил Ледокол у Тени, когда пересказал ему эту печальную историю. — Я ж его предупредил, это моя девчонка. И че, стоять и смотреть, как он мне в душу гадит? Так, да? Ты понимаешь, он же ее облапал всю, с ног до головы.

— Попробуй еще кому-нибудь это объяснить, — сказал ему тогда Тень, давая понять, что разговор окончен. Он уже усвоил, что в тюрьме у каждого свои проблемы. И нечего совать нос в чужие.

Сиди и не отвечивай. Мотай свой срок.

За несколько месяцев до этого Космо Дей одолжил ему потрепанный экземпляр геродотовой «Истории» в мягкой обложке.

— Совсем даже она и не скучная, — сказал он, когда Тень попытался ему объяснить, что книжек не читает. — Крутая, между прочим, книжка. Сначала прочти, потом сам скажешь, что это круто.

Тень поморщился, но читать все-таки начал и втянулся, против собственной воли.

— Так что не рассказывайте мне про греков, — с видимым отвращением сказал Ледокол. — Хотя, кстати, то, что про них говорят, полная брехня. Я как-то попытался трахнуть эту телку в жопу, так она мне чуть глаза не выцарапала.

А потом Ловкого перевели, совершенно неожиданно. Геродот так и остался у Тени. Между страницами там был затарен пятицентовик. Монеты в тюрьме держать нельзя, потому что монету можно в любой момент заточить о камень и располосовать кому-нибудь в драке морду. Но Тени оружие было без надобности; Тени нужно было что-нибудь, чем занять руки.

Суеверным Тень не был. Он не верил в то, чего не мог увидеть собственными глазами. И все-таки в последний месяц отсидки не мог не чувствовать, как над тюрьмой сгущаются тучи, — точно такое же чувство, как в несколь-

ко последних дней перед ограблением. Под ложечкой у него образовалась какая-то пустота, и он старательно пытался убедить себя в том, что это всего лишь страх ожидания, что он боится возвращаться в тот мир, который ждет его снаружи. Но уговоры не особенно помогали. Он сделался более мнительным, чем всегда, а в тюрьме мнительность и без того обычное состояние, залог выживания. Тень старался отсвечивать меньше прежнего и как никогда сделался и впрямь похож на тень. Он часто ловил себя на том, что наблюдает за охранниками и другими заключенными, пытаясь в манере их поведения, мельчайших жестах разгадать пакость, которая вот-вот случится: а в том, что что-то случится, он уже не сомневался.

Примерно за месяц до того, как выйти на свободу, Тень оказался в забком тюремном кабинете, и через стол от него сидел коротышка с багровым родимым пятном на лбу. На столе перед коротышкой лежало раскрытое дело Тени, а в руке он держал шариковую ручку. Кончик у ручки был изгрызен в никуда.

— Что, замерз, Тень?

— Есть немного, — ответил Тень.

Коротышка передернул плечами.

— Система, блин, — сказал он. — Отопление включают не раньше первого декабря. А первого марта выключат. Не я придумал эти правила. — Он провел пальцем вниз по листу бумаги, приклеенному к левой стороне обложки дела. — Сколько тебе сейчас, тридцать два?

— Так точно, сэр.

— А выглядишь моложе.

— Слежу за собой.

— Ты, говорят, примерный заключенный.

— Мне два раза объяснять, что к чему, не нужно, сэр.

— Ты это серьезно? — Он внимательно посмотрел на Тень, и родимое пятно у него на лбу сместилось чуть ниже. Тень хотел было поделиться с ним своей теорией насчет

◆ АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ

тюрьмы, но передумал. А вместо этого кивнул и постарался принять надлежащий вид: раскаявшегося грешника.

— Тут написано, что у тебя есть жена, да, Тень?

— И зовут ее Лора.

— И как у вас с ней?

— Полный порядок. Навещает меня, как только получается выкроить время, — ехать сюда все-таки не ближний свет. Переписываемся, я ей звоню, когда подворачивается возможность.

— А кем она работает?

— Агентом в бюро путешествий. Люди ездят по всему свету, а она им в этом помогает.

— А как вы с ней познакомились?

Тень не мог взять в толк, зачем коротышка его обо всем этом спрашивает. Вертелось у него на языке что-то вроде: «А твое какое дело», но вслух он сказал:

— Она была самой близкой подружкой жены моего лучшего друга. Вот они и сговорились — мой друг и его жена — устроить нам свидание вслепую. И как-то все сразу сложилось.

— А когда выйдешь на свободу, с трудоустройством проблем не будет?

— Так точно, сэр. У Робби, этого моего друга, про которого я вам только что говорил, есть свое дело, называется «Силовая станция», я там раньше работал инструктором. Он говорит, что возьмет меня на прежнее место, как только так сразу.

Пятно поползло вверх:

— Да что ты говоришь?

— Он говорит, по его прикидкам, ему от меня будет прямая выгода. Кое-кто из стариков вернется, ну и прочие крутые парни, которым хочется стать еще круче.

Судя по всему, коротышку его ответы удовлетворили. Он пожевал кончик ручки, потом перелистнул страницу в деле.

— А что ты думаешь насчет того, за что тебя посадили?

НИЦ ШЕЙМАН ✦

Тень пожал плечами:

— Дурак был, — ответил он совершенно искренне.

Человек с родимым пятном вздохнул и принялся ставить во вклеенном в дело бланке галочки. Потом еще раз перелистал его.

— А как ты отсюда до дома добираться будешь? — спросил он. — На «Грейхаунде»¹?

— Да нет, самолетом. Когда у тебя жена работает в туристическом агентстве, должен же быть от этого какой-то толк.

Коротышка нахмурился, и родимое пятно у него на лбу подернулось рябью.

— Она что, уже и билет выслала?

— А зачем? Просто сообщила номер, и все дела. Электронный билет. Приду в аэропорт, покажу паспорт — и полетели.

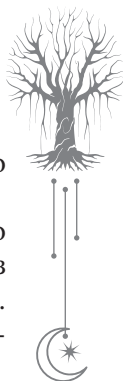
Коротышка кивнул, нацарапал что-то в самом конце бланка, потом закрыл папку и отложил ручку в сторону. Бледные ладони легли на серую столешницу бок о бок, как две светло-розовые зверушки. Он сложил руки домиком и поднял на Тень водянистые карие глаза.

— Везучий ты, — сказал он. — И вернуться тебе есть к кому, и работа тебя ждет не дождется. Вроде как раз — и не было ничего. Вроде как раз тебе — и вторая попытка. Очень советую всерьез ею воспользоваться.

Он встал, давая понять, что собеседование окончено, — но руки не протянул; впрочем, Тень ничего подобного от него и не ожидал.

Хуже всего было в последнюю неделю. В каком-то смысле даже хуже, чем за все три года, вместе взятые. Может, погода виновата, думал Тень: смурная, холодная и безветренная. Такое впечатление, будто вот-вот начнется гроза, но грозы никакой не было. Его била дрожь, передергивало от озноба, и еще это тянущее ощущение пустоты под ложечкой, ощущение, что все летит в тартарары.

АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ

Во дворике для прогулок время от времени протягивало ветерком. Тень казалось, он чувствует в воздухе запах снега.

Тень позвонил жене с оплатой за ее счет. Он знал, что телефонные компании облагают каждый исходящий из тюрьмы звонок дополнительным сбором в три доллара. Поэтому и операторы всегда такие вежливые, если звонишь из тюрьмы: знают, с тебя навар особенный.

— Что-то не то происходит, — сказал он Лоре. Не во первых словах, конечно же. Во первых словах было «Я тебя люблю», потому что если ты по-настоящему человека любишь, никогда не будет лишним ему об этом напомнить, а Лору Тень любил по-настоящему.

— Привет, — отозвалась Лора. — И я тебя тоже. А что такого, собственно, происходит?

— Не знаю, — сказал он. — Может, просто погода. Такое впечатление, будто вот-вот гроза начнется. Наверное, если бы и впрямь началась, сразу бы полегчало.

— А у нас тут все тихо, — сказала она. — И даже листья не совсем еще опали. Если ветра сильного не будет, ты успеешь на них взглянуть, как вернешься.

— То есть через пять дней, — сказал Тень.

— Каких-нибудь сто двадцать часов, и ты дома, — подхватила она.

— Там все в порядке, дома-то? Ничего такого?

— Все в порядке. Сегодня вечером увижусь с Робби. Устроим тебе такой прием, какого и не ждешь!

— Типа, сюрприз, что ли?

— Ну да. Только я ничего тебе не говорила, хорошо?

— А я ничего и не слышал.

— Узнаю своего мужа, — сказала она.

Тень поймал себя на том, что улыбается. Он отсидел целых три года, а она по-прежнему может вот так, запросто, заставить его улыбнуться.

— Я люблю тебя, маленькая моя, — сказал Тень.

— И я тебя, бобик ты мой, — сказала Лора.

НИЛ ГЕЙМАН ✦

Тень положил трубку.

Когда они поженились, Лора сказала Тени, что хочет завести собаку, но хозяин квартиры, узнав об этом, указал им на пункт в договоре о найме, согласно которому домашних животных они держать не имели права.

«Так в чем проблема? — тут же нашелся Тень. — Нужен тебе этот бобик, когда у тебя есть я. Чем я хуже? Хочешь, тапочки твои сгрызу. Или надую на кухне. А может, в нос тебя лизнуть? Или, к примеру, ткнуться мордой тебе между ног, хочешь? Голову даю на отсечение, нет на свете ничего такого, что мог бы сделать пес, а я не смог бы!»

И он подхватил ее на руки, так, словно она вообще ничего не весила, и принялся лизать в нос, а она смеялась и отбивалась как могла, а потом он отнес ее в спальню.

В столовой к Тени бочком подошел Сэм Фетишер и улыбнулся, показав неровные стертые зубы. Он сел рядом и стал есть свои макароны с сыром.

— Разговор есть, — сказал Сэм.

Сэм Фетишер был чернее черного, таких черных Тень за всю свою жизнь видел от силы два-три раза. Лет ему было под шестьдесят. Или под восемьдесят — с тем же успехом. С другой стороны, Тени доводилось встречать тридцатилетних наркоманов, которые выглядели еще старше, чем Сэм Фетишер.

— Мм? — отозвался Тень.

— Будет буря, — сказал Сэм.

— Похоже на то, — ответил Тень. — Может, и снежку подсыплет.

— Не та буря, другая. Посильнее прочих. И вот что я тебе, парень, скажу: когда идет такая буря, лучше сидеть здесь, чем околачиваться там, снаружи.

— Я свое отсидел, — сказал Тень. — В пятницу меня уже здесь не будет.

Сэм Фетишер воззрился на Тень.

— Ты сам-то откуда будешь?

◆ АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ

— Игл-Пойнт. Индиана.

— Не еби мне мозги, — сказал Сэм Фетишер. — Я в том смысле, откуда предки твои приехали.

— Из Чикаго, — ответил Тень. Его мать и впрямь провела свое детство в Чикаго, там же и скончалась, полжизни тому назад.

— Ну, я тебя предупредил. Идет большая буря. Держись от нее подальше, сынок. Это вроде как... ну, как называются эти штуки, на которых сидят континенты? Плиты или вроде того?

— Тектонические плиты? — попробовал угадать Тень.

— Во-во. Тектонические плиты. Вроде того, когда они начинают двигаться, и Северную Америку того и гляди занесет на Южную — ты же не захочешь об эту пору оказаться посередке между ними? Понимаешь, о чем я?

— Вообще без понятия.

Сэм медленно подмигнул ему темно-карим глазом.

— Ну, бля, не говори потом, что я тебя не предупреждал, — сказал он и затолкал в рот полную ложку дрожащего апельсинового желе.

— Не скажу.

Ночь Тень провел в мутной полудреме, то погружаясь в сон, то снова из него выныривая, а на нижней койке кряхтел и храпел его новый сокамерник. Несколькими камерами дальше человек скулил и плакал во сне, и выл как животное, и время от времени кто-нибудь принимался кричать, чтобы он, сука, заткнулся на хрен. Тень пытался отключиться и ничего не слышать. Чтобы минута за минутой тихо уплывали у него над головой, бессмысленные и пустые.

Еще два дня. Сорок восемь часов, которые начались, как всегда, с овсянки и тюремного кофе, а потом охранник по фамилии Уилсон ткнул Тень в плечо несколько сильнее, чем следовало, и сказал:

— Тень? Двигай сюда!

Тень попытался прислушаться к тому, что происходит у него внутри. Внутри было тихо, однако он по опыту знал, что в тюрьме это ничего не значит, и на самом деле ты можешь уже торчать в дерьме по самое нехочу. Охранник шел почти бок о бок с Тенью, и шаги их слитной дробью выстукивали по металлу и бетону.

Где-то в глотке у Тени застрял привкус страха, горький, как вчерашний кофе. Вот оно, началось...

В затылке вдруг завел шарманку пакостный голосок, и тот голосок шептал, что сейчас ему накинут лишний год отсидки, засунут в одиночку, закуют в наручники, отрежут голову. Он твердил сам себе: успокойся, не дергайся, — но сердце стучало так, словно пыталось пробиться на волю сквозь грудную клетку.

— Что-то я тебя не понимаю, Тень, — сказал ему по дороге Уилсон.

— Чего вы не понимаете, сэр?

— Тебя. Такой ты, блядь, тихоня. Вежливый такой. Сидишь и ждешь, как старый пердун, а тебе, между прочим, сколько? Двадцать пять? Двадцать восемь?

— Тридцать два, сэр.

— А ты кто вообще такой? Испашка? Цыган?

— Не знаю, сэр. Может, и так.

— Может, ты вообще черномазый, а? Есть в тебе черномазая кровь, а, Тень?

— Может, и есть, сэр. — Тень выпрямился во весь рост, стараясь смотреть прямо перед собой. Нельзя вестись на провокации, ни в коем случае нельзя.

— Н-да? Ну, не знаю. Знаю только, что у меня, блядь, от тебя мурашки по коже. — Желтые, как песок, волосы Уилсона, желтое, как песок, лицо и желтая, как песок, улыбка. — Ты, говорят, покидаешь нас скоро.

— Очень на это надеюсь, сэр.

Они прошли через несколько контрольных пунктов. Уилсон каждый раз показывал пропуск. Потом вверх по лестнице — и вот она, дверь кабинета начальника тюрьмы.